

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сказка о мнимом принце, стр. 6

угрозой своего проклятия, приказала мне отомстить ему за нашу несчастную семью. Она испустила дух у меня на руках. Жажда мести давно таилась в моей душе; теперь она вспыхнула с огромной силой. Я собрал остатки отцовского наследства и поклялся либо отомстить, либо умереть.

Вскоре я приехал во Флоренцию и жил там, скрываясь от всех. Замыслам моим отчасти препятствовало то положение, которое занимали мои враги. Старик флорентиец стал губернатором, а значит, располагал всеми средствами погубить меня при малейшем подозрении. Случай пришел мне на помощь. Однажды вечером мне на улице повстречался человек в хорошо знакомой ливрее. По неверной походке, по мрачному виду и по срывавшимся у него с уст вполголоса «Santo sacramento», «Maledetto diavolo» я узнал старика Пьетро, слугу флорентийца, которого помнил еще по Александрии. Я не сомневался, что гнев его относится к хозяину, и решил воспользоваться его недовольством. Он был очень удивлен, увидав меня, выложил мне свои обиды на хозяина, которому с тех пор, как он стал губернатором, ничем не угодишь; и мое золото в сочетании с его гневом не замедлило привлечь его на мою сторону. Самое трудное было сделано. Я нашел человека, который за плату в любую минуту готов был открыть мне двери в дом врага, – теперь план мести стал быстро близиться к осуществлению. Жизнь старого флорентийца не могла, по моему разумению, окупить гибель моей семьи. Смерть самого дорогого для него существа – дочери его Бианки – вот что надлежало ему испытать. Ведь именно она так подло надругалась над моим братом, ведь именно она была главной виновницей наших бед. Весть, что Бианка как раз собирается вторично замуж, оказалась желанной для моего алчущего мести сердца, – решено, она должна умереть. Но у меня самого рука не подымалась на убийство, от Пьетро я тоже не ждал решимости; поэтому мы стали подыскивать человека, который взялся бы за это дело. Я даже не пытался подкупить кого-нибудь из флорентийцев, ибо никто из них не пошел бы против губернатора. Тут Пьетро набрел на мысль, которую я и осуществил впоследствии, а в исполнители ее он предложил тебя как врача и чужестранца. Дальнейшее тебе известно. Лишь щепетильная честность твоя и осторожность едва не разрушили моего замысла. Вот откуда приключение с плащом. Пьетро впустил нас во дворец губернатора и столь же незаметно вывел бы нас оттуда, если бы мы с ним не убежали, ужаснувшись зрелища, которое увидели в полуоткрытую дверь. Гонимый страхом и раскаянием, я пробежал шагов двести и в изнеможении опустился на ступени какой-то церкви. Там лишь я овладел собой, и первая моя мысль была о тебе и о твоей ужасной участи, если тебя застигнут там, в доме.

Я прокрался назад ко дворцу, но не нашел ни тебя, ни Пьетро, однако дверца была отворена, и я понадеялся, что ты воспользовался возможностью бегства. Но, с наступлением дня, страх преследования и непреодолимое раскаяние погнали меня прочь, за пределы Флоренции. Я поспешил в Рим. Вообрази мое потрясение, когда там через несколько дней стали повсюду рассказывать об этом событии, добавляя, что убийца, греческий врач, пойман. В томительной тревоге поспешил я назад во Флоренцию: если уж раньше месть моя казалась мне чрезмерной, то теперь я проклинал ее, ибо считал, что жизнь твоя – слишком дорогая за нее цена. Я приехал в тот самый день, когда ты лишился руки. Не стану говорить о своих чувствах при виде того, как ты взошел на эшафот и мужественно претерпел страдание. Но когда кровь твоя хлынула потоком, во мне созрело решение скрасить остаток твоих дней. Что было потом, ты знаешь сам, – мне остается досказать, зачем я совершил с тобою этот путь.

Мысль, что ты все еще не простил меня, тяжким гнетом лежала на мне, и вот я решился провести подле тебя несколько дней и наконец – то дать тебе отчет в том, чем я грешен перед тобой.

Молча выслушал грек своего гостя, и когда тот кончил, с кротким видом протянул ему руку.

– Я так и знал, что ты несчастней меня, ибо то жестокое деяние, подобно грозовой туче, навеки повисло над тобой. Прощаю тебя от души. Но дай мне задать тебе вопрос: как ты очутился в таком облике среди пустыни? Чем занялся ты после того, как купил мне в Константинополе дом?

– Я возвратился в Александрию, – отвечал гость, – ненависть против всего рода человеческого бушевала у меня в груди, – жгучая ненависть, в особенности против тех народов, которые именуются просвещенными.

Поверь мне, в среде мусульман мне дышалось вольнее!

Не успел я пробыть в Александрии нескольких месяцев, как соотечественники мои полонили ее.

Для меня они были только палачами моего отца и брата: поэтому я собрал нескольких единомышленников из знакомой молодежи, и мы примкнули к тем отважным мамелюкам, что не раз наводили страх на французское войско. Когда кампания закончилась, я не мог решиться приступить к мирным трудам. Вместе с кучкой друзей – единомышленников я вел беспокойную, бродячую, посвященную борьбе и охоте жизнь; мне хорошо живется с этими людьми, которые почитают меня как своего владыку, ведь мои азиаты – народ хоть и не такой просвещенный, как ваши европейцы, зато они чужды зависти и клеветы, тщеславия и себялюбия.

Цалевкос поблагодарил гостя за откровенность, однако не скрыл от него, что человеку его происхождения и образования более приличествовало бы жить и трудиться в христианских, европейских странах. Он взял руку гостя, прося последовать за ним и жить с ним до самой смерти.

Тот обратил к нему растроганный взор.

– Теперь я вижу, – сказал он, – что ты до конца простил мне и что ты любишь меня. Прими же мою глубочайшую признательность. – Он вскочил с места и выпрямился во весь рост перед греком, которого даже устрасил воинственный вид, мрачно сверкающий взор и глухой таинственный голос чужестранца. – Твое приглашение очень лестно, – продолжал тот, – оно показалось бы заманчивым всякому другому – я же не могу принять его. Конь мой уже оседлан, слуги мои уже ждут меня, прощай, Цалевкос!

Эти чужие друг другу люди, которых столь странно свела судьба, обнялись на прощание.

– Как же мне назвать тебя? Как имя моего гостя, который навеки останется жить у меня в памяти? – спросил грек.

Чужестранец пылливо взглянул на него, еще раз пожал ему руку и произнес:

– Меня зовут повелителем пустыни. Я разбойник Орбазан.

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) >> Следующая страница